

ПУТЬ БОДХИСАТТВЫ

Да принесет эта книга благо всем живым существам!

Ом мани падме хум!

ОТ АВТОРА

или несколько слов о буддизме

Мое первое знакомство с буддизмом произошло в Бурятии много лет назад. Как наяву вижу я сейчас закатное солнце, играющее на золоте крыш дацана, слышу спокойный голос ламы, отвечающего на мои вопросы...

А вопросов у меня, двадцатилетнего учителя географии из Москвы, шальным ветром занесенного в бурятские степи, было великое множество. Несмотря на атеистическое воспитание, жил я все-таки в стране, насквозь пропитанной православной традицией. Литература и музыка, живопись и скульптура, пословицы и поговорки – все выросло из христианства. А тогда судьба столкнула меня с совершенно иной культурой. Культурой, выросшей на буддизме.

И я терзал терпеливого ламу своими наивными, глупыми, провокационными вопросами. А он улыбался, и спокойно отвечал, заглядывая внимательными темными глазами мне прямо в душу.

Наличие души, впрочем, лама отрицал. Как отрицал и существование Бога-Творца, и многих других понятий, которые, мне казалось, каждый человек впитывает с молоком матери.

Я был потрясен и обескуражен. Мне открылся совершенно иной мир, живущий по своим законам и традициям, которые были намного старше христианских. Прошло немало лет, и я исходил всю Центральную Азию и Китай, прежде чем люди, следующие заветам Благословенного Будды, стали мне близки и понятны.

Тот молодой лама из Бурятии, волею случая ставший моим первым учителем в буддизме, сделал самое главное – он зародил интерес к сокровенному знанию, приоткрыл дверь, за которой лежал путь к сокровищам буддийской мудрости. И помог сделать первые шаги.

Я не стал буддистом, да и не этого, я думаю, хотел мой учитель. Но я стал гораздо лучше понимать людей, исповедующих буддизм. И немного лучше – самого себя.

* * *

О буддизме, который исповедуют три народа, проживающие на территории России – калмыки, буряты и тувинцы – россияне знают совсем немного. И зачастую эти знания ошибочны и даже предвзяты. Все дело в том, что буддизм, возникший в Индии 2500 лет назад и приобретший классические формы в Тибете, стоит в стороне от других религий, распространенных в нашей стране – иудаизма, ислама и христианства. Перечисленные религии называют «авраамическими», и происходят они от общего корня. Эти религии имеют очень много схожих черт – это и вера в Единого Бога-Творца, и в бессмертную душу, и в загробную жизнь. Существует много «общих» пророков и святых, которые почитаются как в исламе, так и в христианстве и в иудаизме.

Буддизм, возникший из индуизма, во многом как вызов последнему, все же гораздо ближе к древним религиям Индии, чем к религиям Запада. Отрицающий существование Бога-Творца, неизменной и вечной души, опирающийся на закон кармы, буддизм кажется непонятным и даже опасным учением многим россиянам.

Также не стоит забывать, что христиане, иудеи и мусульмане живут по-соседству уже много столетий, и смогли неплохо узнать о традициях и обычаях друг друга.

Буддийские же республики вошли в состав России сравнительно недавно. Первой была Калмыкия, и осенью 2009 года страна отмечала знаменательную дату – 400 лет со дня вхождения калмыцких земель в состав России. Летом 2011 года Бурятия отметит 350-летний юбилей добровольного присоединения к России. И совсем недавно, в 1944 году, в состав СССР вошла Тувинская Народная Республика. За исключением, пожалуй, Бурятии, все эти республики были моноэтническими, и буддизм не выходил за пределы территории проживания исповедующих его народов.

В последние годы буддизм приобрел популярность среди русской интеллигенции в крупных городах, став своеобразным элитарным учением. Этому способствовали и огромный авторитет Далай-Ламы, и активная проповедь многих тибетских учителей, приезжающих в Россию. Однако «элитарный буддизм» исповедует незначительное число людей, для большинства из которых, прежде всего, важны сложные буддийские

практики и медитации, направленные на расширение сознания. Мы же на страницах этой книги будем говорить о благотворительности, основой которой в буддизме, как и в любой другой религии, являются любовь и сострадание. А чтобы помочь страждущему, вовсе не обязательно осваивать сложнейшую аннугара-йога тантру, хотя с ее помощью и можно спасти большее количество живых существ.

Поэтому, ориентируясь прежде всего на читателя, почти не знакомого с Учением Будды, некоторую часть своего повествования я посвятил основам классического буддизма. Без этих основ невозможно понять мотивы благотворительности людей, исповедующих одно из самых гуманистических учений человечества. Мне показалось интересным сопроводить свой рассказ путевыми впечатлениями от встреч с ламами, с простыми кочевниками, и поучительными легендами о бескорыстных подвигах и добрых деяниях богов и служителей древней веры. Многие страницы книги посвящены великим буддийским подвижникам, мыслителям, общественным деятелям. Учение Будды наполняло их существование светом и глубоким смыслом, а благотворительность стала образом жизни. Их имена по сей день свято чтят как буддийский мир, так и все просвещенное человечество.

ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЕМ

Утром дацан пробудился с протяжным гулом священных раковин и медных труб. Начиналась служба. Пройдя между двумя белоснежными мраморными львами, я вошел в полумрак храма. Пестрые флаги и занавеси едва шевелились, со всех сторон смотрели изображения богов и святых. В центре, перед огромной статуей Будды Шакьямуни и портретом Далай-ламы, в два ряда на цветных подушках сидели ламы. Перед каждым лежали книги, по которым они читали и пели молитвы. Монахи-прислужники переворачивали страницы и приносили новые связки книг, иногда гудели в раковины, били в барабаны. По углам храма поднимался дым из курильниц, наполняя воздух благовониями. Первым в левом ряду, чуть повыше, чем остальные, сидел настоятель и вел службу. Ламы пели, медленно покачиваясь в такт, кивали бритыми головами, тускло светились шафрановые одежды, когда они переворачивали длинные и узкие листы священных книг...

В храм заходили люди, в основном буряты, целыми семьями. Молитвенно складывая руки, они совершали поклоны наиболее почитаемым святым и богам,

кланялись портрету Далай-ламы и настоятелю и, пятась задом, выходили из храма, стараясь не поворачиваться к изображениям святых спиной.

Мои друзья ушли, а я впал в какой-то транс, слушая пение, вдыхая благовония, не осознавая реальность происходящего. Я обошел храм по кругу, совершая поклоны Будде и Далай-ламе, касаясь лбом оснований статуй. Узнав у служителя, что праздник посвящен детям, я заказал молитву за больных детей школы, где преподавал уже несколько лет, и купил хий морин, "коня счастья" - флажок с изображением священного коня, куда вписываются имена людей, которым желаешь благополучия. Этот флажок я привязал к веточке одинокого дерева в степи. Теперь с каждым ветерком, шевелящим хий морин, молитвы должны были отправляться в небо.

Тем временем мои друзья нашли юношу-послушника по имени Домжо, и уговорили его провести экскурсию по дацану. Домжо был студентом буддийского института, расположенного на территории монастыря, где за пять лет можно получить высшее образование по буддийской философии, тибетоведению и другим наукам. Домжо, что в переводе с бурятского означает "алмаз", "царь камней", оказался совсем молодым парнем, лет 17-18, которого все ласково называли "Домжик". Конечно, молодой послушник не мог ответить на массу посыпавшихся на него вопросов. В конце концов юноша совершенно растерялся и сказал, что на все наши вопросы, возможно, ответит его учитель, лама Гомбо Бакша, который учился в Индии и Тибете и является учеником самого Далай-ламы.

Вскоре мы подошли к дому, где жил учитель нашего Домжо, и вошли внутрь. Лама Гомбо Бакша сидел в позе лотоса на шафрановых подушках, и читал какую-то явно древнюю книгу, переворачивая желтоватые, узкие и длинные страницы. Над ним висел огромный портрет Далай-ламы, везде стояли статуи божеств, лежали связки книг, завернутые в цветные ткани.

Сам лама оказался молодым человеком, лет 30-35, с короткой стрижкой, в темных квадратных очках, как у Далай-ламы. Мы поздоровались, он улыбнулся, встал, уступив нам место на диване, а сам сел, снова в позе лотоса, в кресло в углу.

- Мы путешествуем с друзьями, вот оказались в Бурятии. И мы очень интересуемся Вашей религией, ламаизмом. Ну, Домжо, наверное, рассказал Вам...

- Ламаизм? Далай-Лама просил не употреблять это слово, появившееся на Западе, для обозначения тибетского буддизма. У нас - просто буддизм. Но буддизм не совсем религия, в европейском смысле этого слова.

- То есть как – не совсем религия?

- В западных религиях основное место занимает понятие Бога-Творца, буддизм же его не знает. Ведь Будда – это не Бог, это Учитель, который указал путь спасения. И буддой может стать любой человек.

Мы изумленно переглянулись, а потом спросили, что такое "карма".

- Карма - это закон. Закон природы, - ответил лама, и снова улыбнулся. – Все на свете имеет причину и следствие, ведь так? Если закон причинно-следственных отношений перенести в область этики, это и будет карма.

- Но как же тогда влиять на карму, изменять ее?

Лама улыбнулся, поднял со стола стеклянную баночку и спросил:

- Если я отпущу ее, она упадет?

- Ну, разумеется.

- А почему она упадет?

- Ну, есть этот, как его, закон тяготения...

- Нет. Она упадет, потому что я поднял ее, - сказал лама, засмеялся, подбросил баночку и поставил на стол. Мы тоже засмеялись - закон Кармы, над которым ломали головы столько ученых мужей, лама упростил до предмета из стекла, стоящего на столе.

- В переводе с санскрита, священного языка буддизма, это слово обозначает «деяние». Каждое наше действие приводит к последствиям. Дурное – к дурным, и мы накапливаем неблагую карму. Хорошее – к хорошим, и карма улучшается.

- Простите, вот Вы сказали, что Бога нет. А душа?

- Бога нет. Души нет, - Гомбо Бакша весело смотрел на нас, - Мы верим, что мир существует вечно, его никто не создавал. А то, что вы называете душой, мы называем "поток сознания". То есть, мы не признаем индивидуальную, неизменную вечную душу. Когда-то Гераклит сказал: нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ибо через мгновение в ней будет другая вода. А Будда сказал: нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ибо через мгновение ты сам станешь другим.

- А мы думали, что буддисты верят в переселение душ. Что же переселяется, если души нет?

- Вы знаете, Далай-лама приводил замечательный пример, отвечая на этот вопрос. Представьте, что вы играете в бильярд. Бьете кием по шару, и он начинает движение. Затем ваш шар бьет по следующему, тот по другому, и все они тоже катятся по столу. Шары – это жизни человека. А переходит из жизни в жизнь не индивидуальная сущность, а импульс, энергия. Которые несут информацию о карме прошлых существований. Поток сознания состоит из мгновенных импульсов, которые называются «дхарма». Дхармы вспыхивают и мгновенно гаснут, подобно квантам света. И каждая дхарма рождает следующую, согласно закону причины и следствия. Нам кажется, что существует личность, а на самом деле – это поток вечно изменяющихся дхарм.

- Больше похоже на физику, чем на религию, - заметил я.

- Вы правы. Буддизм очень близок современной науке, и всегда был, прежде всего, философским учением.

- Но как же так, Вы сказали, что нет Бога! Ведь если нет Бога, невозможно разобраться, где добро, а где зло!

- Вы задаете правильные вопросы. Я рад, что Домжо встретился с вами, это было предопределено нашей кармой! – лама снова улыбнулся. – Сам Будда в диспутах с брахманами, священниками древней религии Индии, доказал, что бога-творца не существует. Причем Учитель приводил как логические, так и этические доводы. Он говорил, что раз все имеет причину и следствие, то и у бога должна быть причина. Если она есть, то бог автоматически не может быть творцом всего сущего. А если ее нет, то это опровергает сам закон о причине и следствии. Но гораздо важнее были этические причины отрицания бога. О них говорят до сих пор и христианские богословы, даже

существует термин *теодицея* - «оправдание Бога». Бог-творец по определению добр и всемогущ. Но откуда же появились в мире зло и страдания? Если бог допустил их сознательно, то он не добр, следовательно, не бог. Если же он не хотел появления зла, но допустил – он не всемогущ, следовательно, не бог.

А чтобы вам проще было понять, что для буддиста добро, а что зло, я расскажу вам о колесе Сансары.

Еще до прихода в мир Будды Шакьямуни люди в Индии знали о законе кармы. И сделали очень интересные, хотя и пессимистические выводы. Представьте себе, что вы уже бесконечное количество раз перерождались в разных формах. Мы знаем шесть форм перерождения – люди, боги, асуры, животные, голодные духи и мученики ада. Все эти существа испытывают различные страдания. Но главное, неизбывное страдание – в бессмысленности самой цепи перерождений. Все повторяется - из жизни в жизнь, из эпохи в эпоху, и нет этому конца. Вот эта цепь перерождений и называется «сансара», что можно перевести с санскрита как «круговорот».

И еще до прихода в мир Будды люди искали путь спасения от Колеса Бытия, но только Благословенный Учитель смог указать его.

- А почему колесо?

- Вы утром были на службе. Видели большую тханку, икону по-вашему, на стене храма? На ней изображен ужасный демон Мара, держащий в лапах колесо.

- Да, я обратил на нее внимания. Демон еще красного цвета...

- Совершенно верно. Эта тханка изображает сансару в виде колеса, так нагляднее, - лама снова улыбнулся нам, и продолжил, - в центре изображены змея, свинья и петух. Они символизируют гнев, невежество и похоть – три главных греха в буддизме. К ним иногда еще добавляют гордыню и зависть. Эта троица и приводит Колесо в движение. Сам круг разделен на пять частей – это различные формы перерождения, только боги и асуры изображаются вместе.

- Простите, но Вы же сказали, что Бога нет?

- Нет бога-творца. А так богов в буддизме великое множество. Боги очень могущественны, живут бесконечно долго – людям даже кажется, что они бессмертны.

Но это не так. Боги, как и все остальные, умирают и могут родиться вновь в любом обличье – например, асуром, животным, или голодным духом. Боги страдают от вечной праздности и бессмысленности существования.

- А голодные духи? Асуры? Кто это?

- Асуры подобны богам, и больше всего похожи на титанов греческой мифологии. Они ведут постоянную борьбу с богами за власть над миром. Борьбу, в которой не могут одержать победу. А голодные духи - их у нас изображают с огромной головой на тонкой шее и вздувшимся от голода животом – это люди, которые в прошлой жизни были очень жадными. За что и наказаны пребыванием в теле существа, которое не может насытиться. Животные страдают за грехи прошлых существований, то есть просто искупают неблагую карму. А самые страшные грешники попадают в ады – их в буддизме два, раскаленный и ледяной. Где страдают за грехи прошлых жизней. Правда, буддизм не знает вечных мук ада – в конце концов, искупив грехи, существо из ада может вновь родиться животным, человеком или богом. И все повторится сначала... Поэтому главная цель буддизма – полное освобождение от Колеса Бытия, бессмысленной череды смертей и рождений. То есть достижения состояния Будды, Пробужденного Существа. Кстати, русские слова «будить», «пробуждать» родственны санскритскому «будда», - лама снова улыбнулся, - и стать Буддой может любой человек, причем именно человек – даже божеству стать Буддой невероятно сложнее.

- И все-таки, как отличить добро от зла, если нет Бога?

- Я лучше расскажу вам притчу, - сказал Гомбо Бакша.

- Однажды к Будде пришел юноша и спросил: жениться ему или не жениться. Учитель ответил: «Если жизнь с этой девушкой станет для тебя ступенькой на Пути к Просветлению, будь с ней. Если нет – оставь ее...»

- Интересно! Сократ ответил на подобный вопрос совсем по-другому!

- Еще интереснее, что Будда и Сократ были ровесниками, жили и творили в одно и то же время! – сказал лама и улыбнулся.

- А если вернуться к вопросу о добре и зле, то все, что ведет человека к Пробуждению – добро, все остальное – зло. Это – единственный критерий разделения

добра и зла в буддизме. Не важно, каким богам вы поклоняетесь, в какой стране живете - делайте добро, сострадайте всем живым существам - и вы достигнете Просветления..

- А как понять, что ведет к Просветлению, а что нет? Так можно все что угодно оправдать!

- Сострадание. Любовь. Жалость ко всем живым существам, которые обречены на муки в Сансаре. Если вы умеете искренне сострадать, вы не собьетесь с правильного пути.

- А правда, что буддийские монахи могут ходить сквозь стены и по воде?

Гомбо Багша засмеялся, потом снова стал серьезным и сказал:

- Легко научиться ходить сквозь стены и по воде, летать по воздуху и воспроизводить на ладони модель Вселенной. Гораздо труднее полюбить все живые существа и прожить достойную жизнь...

- А какая главная цель в жизни у буддиста?

- Конечно, достижение Нирваны, полного Освобождения. Но без Учителя это сделать очень трудно. Справиться можно, но уйдет очень, очень много времени и сил. Поэтому одна из главных целей в жизни - встретить Учителя. Пусть все доброе, что вы делаете, служит этому...

Мы спросили, как быть, если человек устает делать добро, становится раздражительным, ему все надоедает.

- Используйте специальные техники медитации, отдыхайте, и помните одно: во Времена Упадка те, кто делает добро, плывут против течения. Это нелегко, но гораздо лучше очищает карму, чем движение по течению во Времена Возрождения.. Помните: хотя боги могущественны, буддой может стать только человек...

- Вот Вы говорите: Будда и будды, во множественном числе. Так он один или их много?

- В принципе, все живые существа – потенциальные будды. Мы подобны источнику, загрязненному нечистотами. Наши загрязнения - это невежество, пороки,

страсти. Но как источник можно очистить от нечистот, так можно очистить и свое сознание – и тогда Вы достигнете Нирваны и станете буддой.

- А почему так почитают именно этого Будду, - мы кивнули на золоченую статую у портрета Далай-ламы.

- Дело в том, что царевич Сиддхартха Гаутама, став Буддой, не ушел в Нирвану. Он остался на Земле, прожил долгую и трудную жизнь, чтобы помочь другим освободиться из сетей Сансары. Поэтому мы и зовем его Учитель. Такие Будды-Учителя приходят редко, очень редко.

- Мы вас, наверное, замучили, да?

- Ну, что вы! - лама улыбнулся, - приятно говорить с людьми, которые думают и идут по доброму пути.

Лама снова осветил нас улыбкой, мы поклонились, поблагодарили учителя, и вышли на улицу. Хотя с Гомбо Бакша мы говорили совсем недолго, встреча с учеником Далай-ламы осветила мою жизнь на многие годы...

ПУТЬ БОДХИСАТТВЫ

В буддизме благотворительность не просто поощряется, она возведена в ранг космического закона, только соблюдая который, можно достичь главной цели – Нирваны.

Осознать истоки и мотивы буддийской благотворительности невозможно без понятий «бодхисаттва» и «бодхичитта».

Образ бодхисаттвы – человека, желающего стать Буддой ради спасения всех живых существ, - является идеалом для любого буддиста. Достигнув высочайшего духовного уровня, бодхисаттва отказывается уйти в Нирвану, пока другие существа страдают. Будда Шакьямуни объяснял это через притчу о любви к собственной матери:

«Представьте себе, мои ученики, что вы уже бесчисленное множество раз перерождались в различных формах. Поэтому успели побывать со всеми живыми существами во всех мыслимых отношениях. В частности, все живые существа когда-

то были вашими матерями. А разве может любящий сын или дочь уйти в Нирвану, когда его мать страдает в круговороте сансары?»

В буддизме одним из главных препятствий на пути к Просветлению считается привязанность к собственному «я». Именно эта привязанность вновь и вновь заставляет нас рождаться в мире, полном страданий. Избавиться от привязанности к «себе, любимому» и достичь Просветления можно только на Пути Бодхисаттв – через безмерное сострадание ко всем живым существам.

Бодхисаттвы, в том числе и самые великие - не боги и даже не ангелы. Это обыкновенные люди, которые достигли высочайшего духовного совершенства, но остались в мире ради помощи всем нуждающимся.

Стать Бодхисаттвой, соответственно, может любой человек. И не просто может, считают буддисты, а даже обязан хотя бы попытаться сделать это! Конечно, не достаточно сказать себе: «Я – Бодхисаттва! Отныне все мои помыслы и деяния будут направлены на освобождение от страданий всех живых существ!» Бодхисаттву отличают два важнейших признака: нравственная дисциплина и бодхичитта. И если с нравственной дисциплиной все более-менее понятно, то о бодхичитте следует сказать особо.

Бодхичитта – это искренняя, спонтанная устремленность к достижению Просветления не ради собственного спасения или обретения сверхспособностей, но ради спасения всех страждущих во всех мирах. Причем бодхичитта делится на две стадии – намерения и действия. Если вы только решили стать Бодхисаттвой, но не приняли обетов – это бодхичитта намерения. В буддизме, кстати, благие намерения ведут не в преисподнюю, а считаются первым шагом на пути к Просветлению. И все же человек, принявший бодхичитту намерения, подобен путешественнику, который в раздумье застыл на пороге родного дома.

Если же вы принимаете обет Бодхисаттвы (включающий, кстати, массу правил и запретов) – это уже бодхичитта действия. Человек, практикующий деятельную бодхичитту, смело идет вперед, помогая всем нуждающимся в помощи.

Различают также подлинную и мнимую бодхичитту. Так, если вы, совершив какое-нибудь доброе дело, надеетесь на вознаграждение (не денежное, разумеется, а,

скажем, на приближение к Нирване или улучшение кармы), то тем самым напрочь перечеркиваете само деяние в кармическом плане.

А вот если вы помогли кому-то, искренне исполнившись глубочайшего сострадания и любви, полностью забыв о собственном «я» - это и есть подлинная бодхичитта.

Скажу в утешение, что стадии мнимой бодхичитты не избежал ни один Бодхисаттва и даже Будда. Эта ступень великого Пути называется «Радостная ступень». Человек становится щедрым, причем щедрость его нематериальна, это щедрость любви и сострадания, он готов пожертвовать всем (карьерой, женой, детьми, собственным здоровьем и даже жизнью) ради помощи страдающим существам. А «радостной» ступень называется потому, что человек ликует от своего духовного превосходства над остальными. И лишь пройдя остальные девять стадий Пути Бодхисаттвы, полностью избавившись от привязанности к собственному «я», он взрастит подлинную бодхичитту.

В конце Пути бодхисаттва обычно становится буддой и приходит на землю как великий Учитель. В каждую эпоху, или кальпу, на землю приходит тысяча будд. Поэтому бодхисаттва – это не только существо, исполненное любви и сострадания, но и будущий будда.

Но есть один бодхисаттва, который буддой не станет никогда. Имя его – Авалокитешвара.

Вечный бодхисаттва

Говорят, в давние-давние времена, неисчислимое количество эпох назад, достиг один молодой человек состояния бодхисаттвы. Со всей юной горячностью бросился он помогать живым существам, страдающим в круговороте сансары. Но чем больше добра он нес в мир, тем больше замечал вокруг новых и новых страданий. И однажды взглянул бодхисаттва на мир, полный зла и страдания, и понял, что все труды его – капля в море. Это открытие так потрясло Авалокитешвару, что голова его в тот же миг раскололась на тысячу кусков...

К счастью, в это время неподалеку пролетал Будда Амитабха. Он увидел, какое несчастье произошло с юным бодхисаттвой, аккуратно собрал части его головы и

слепил из них десять новых. Причем десятая голова была с оскаленными клыками и выпученными глазами. Как намек на то, что хорошо, конечно, сострадать и любить, но иногда необходимо, преисполнившись гнева, уничтожать зло и препятствия на пути к Просветлению. Так у Авалокитешвары появилась гневная форма – Махакала. А сверху десяти голов юного бодхисаттвы Будда Амитабха водрузил свою голову – с тем, чтобы мудрость Будды помогала Авалокитешваре в его нелегких трудах. Воскресший Авалокитешвара поднялся и дал обет не уходить в Нирвану, пока во Вселенной останется хотя бы одно страдающее существо.

И вот здесь начинается самое интересное. Поскольку буддизм говорит о вечности и бесконечности Мироздания, которое населяет бесконечное количество живых существ, обет Авалокитешвары невыполним в принципе. Долгие века мудрецы пытались понять, достигнет Авалокитешвара Нирваны или нет? Однажды этот вопрос задали и Будде Шакьямуни. Будда улыбнулся и ответил: «Вы спрашиваете, достигнет ли Авалокитешвара Нирваны? Но он уже достиг ее, ибо его Нирвана – это деятельное сострадание всем живым существам!»

Изображают Великого Сострадательного Бодхисаттву в разных формах, но самая популярная – Одиннадцатиглавый Авалокитешвара с тысячью рук. Эти руки он протягивает всем нуждающимся в помощи, в каких бы мирах они не находились, какие бы тяжкие грехи не отягощали их карму. На каждой руке бодхисаттвы расположен глаз, чтобы видеть страдания всех живых существ и вовремя прийти на помощь. Говорят, если грешник в аду просто вспомнит Авалокитешвару, Великий Сострадательный спустится в ад, и слезы из его тысячи глаз погасят адское пламя. Он видит все, может одновременно являться в миллионы миров, достаточно лишь призвать его на помощь. Само имя его переводится как «Бог, смотрящий вниз».

Авалокитешвара считается покровителем Тибета и Монголии, и буддисты верят, что Далай-лама – одно из воплощений Бодхисаттвы на Земле.

Сострадательная Тара

Существует мнение, что буддизм – «мужская» религия, и только мужчина может стать монахом и достичь Просветления. А женщина должна всячески помогать монастырям, вести праведную жизнь, чтобы в следующей жизни родиться мужчиной, стать монахом и уйти в Нирвану. К сожалению, такие слова можно услышать и из уст

буддистов – например, подобным образом свою судьбу мне расписывали некоторые жительницы Тувы и Калмыкии.

Однако на самом деле все гораздо сложнее и интереснее. Во-первых, чтобы достичь Нирваны, не обязательно быть монахом. А во-вторых, со времен основания Учения женщины принимали активное участие в жизни Сангхи, и в числе первых учеников Будды были его жена Яшодхара и приемная мать Праджняпати. И если среди мужских ипостасей бодхисаттв наибольшей популярностью пользуется Авалокитешвара, то среди женских нет равных Таре. В разных обликах является она людям, но наиболее почитаемы Белая и Зеленая Тара. Культ Всеблагой Освободительницы, переводящей на другой берег Океана Страданий, особенно популярен в Центральной Азии. Почти в каждой монгольской юрте на священной стороне висит икона-тханка Зеленой Тары. Изображают Тару в виде прекрасной юной девушки, сидящей на цветке лотоса. Одна ее нога опущена вниз, как символ того, что Зеленая Тара сама приходит на помощь всем страждущим.

История появления в нашем мире Тары не менее любопытна и поучительна, чем история Авалокитешвары. Говорят, что много столетий назад Тара была дочерью владыки одного далекого княжества. Будучи очень доброй, сострадательной девушкой, она всю жизнь занималась благотворительностью: постоянно жертвовала на храмы, опекала монахов. И монахи, растроганные таким отношением, сказали ей: «Ты такая заботливая, так много добра сделала для нас! Мы будем читать специальные мантры, чтобы в следующей жизни ты родилась мужчиной, смогла стать монахом и достигла Нирваны!»

На что девушка ответила монахам: «Для Нирваны нет разницы, мужчина я или женщина, монах я или мирянин, принадлежу к брахманам или париям. Пусть в следующем воплощении я стану Тарой, бодхисаттвой в женском облике, чтобы показать, как можно достичь состояния будды и в женском теле!»

Так и случилось. Говорят, Тара вновь родилась на свет из слезы Авалокитешвары. Великий бодхисаттва смотрел на мир, преисполненный страданий, сердце его разрывалось от жалости, и он заплакал. Его слеза, упавшая на землю, превратилась в прозрачное озеро. В озере расцвел чудесный цветок лотоса, и из него вышла прекрасная Тара.

С тех пор Тара, вечно юная и неунывающая, всегда спешит на помощь гибнущим в океане сансары.

Бодхисаттва Мудрости

Говоря о наиболее деятельных бодхисаттвах, нельзя не вспомнить о Манджушри, бодхисаттве Мудрости. Изображают его вовсе не глубоким стариком с седой бородой и глазами, полными опыта прожитых лет, как это было бы, например, в христианской традиции. Манджушри – шестнадцатилетний улыбающийся юноша, ибо в буддизме мудрость приходит не с возрастом и количеством прочитанных толстых книг, а в результате интуитивного озарения, подобного вспышке молнии. Про старика, который не обрел подлинную мудрость, говорят: «Он состарился напрасно...»

В левой руке бодхисаттва держит книгу Праджняпарамиты - Сутру Запредельной Мудрости, а в правой – пылающий меч, рассекающий невежество, ибо невежество считается главным препятствием на пути к Просветлению.

Манджушри, став бодхисаттвой, тоже дал обет не уходить в нирвану. Правда, не на веки вечные, как Авалокитешвара, а до той поры, пока в этот мир не придет тысяча будд. Чтобы осознать временной масштаб этого обета, напомним, что нынешний Будда, Гаутама Шакьямуни, пришел на землю в VI веке до н.э., его предшественник был здесь много тысячелетий назад, да и следующий будда, Майтрейя, ожидается не скоро – в эпоху, когда люди будут жить по 80 тысяч лет... Когда тысяча будд в свой черед придут в этот мир, эпоха завершится, и Манджушри достигнет окончательной Нирваны.

Задача бодхисаттвы мудрости крайне важна. Вспомните, сколь печально окончились первые попытки изменить мир к лучшему юного Авалокитешвары! Сострадание и Мудрость – два столпа, на которых держится Учение Будды, и друг без друга они оказываются бессильны, а порою даже вредны.

Иногда приходится слышать, что буддизм – религия смирения, пассивности, призывающая к отказу от всяких действий вообще. Это не так. Хотя основным путем к Просветлению является сострадание, иногда можно и должно применить силу.

Говорят, в давние времена к Будде Шакьямуни обратились Стражи четырех сторон света и поведали Просветленному, что зло и невежество в мире одолевают

добро. Будда обратился к бодхисаттвам с просьбой придумать средство для защиты существ, чистых духом. Тогда бодхисаттва Ваджрапани, в принципе добрый и сострадательный, принял гневную форму. Вид его, на тханках, по крайней мере, весьма ужасен – синее тело, оскаленная пасть, пламя за спиной. Но, как и у всех гневных бодхисаттв, эти страшные атрибуты направлены против темных сторон нашего существа – гордыни, лености, невежества, зависти, похоти.

Естественно, Ваджрапани тесно связан с бодхисаттвой Манджушри, и поговорка «сила есть – ума не надо» вовсе не про него. Основная задача Ваджрапани – придать человеку силы на Пути, ободрить, обнадежить. Достаточно обратиться к Ваджрапани, и усталость отступит, и с новыми силами человек начнет двигаться по великому сострадательному Пути Дхармы.

Трое великих бодхисаттв – Авалокитешвара, Манджушри и Ваджрапани – образуют буддийскую «Троицу», объединяя Сострадание, Мудрость и Силу. А энергию им всем придает неутомимая и прекрасная Тара...

Итак, великое сострадание и готовность всегда помочь – самые главные черты бодхисаттвы. Бодхисаттвы не могут быть счастливы, если их окружают несчастные. Бодхисаттвы не могут уйти в Нирвану, пока в этом мире существуют боль и страдание. Бодхисаттвы всегда будут делать всё возможное ради приближения других к Просветлению, и помощь эта будет своевременной, тактичной и чуткой.

ШЕСТЬ СОВЕРШЕНСТВ БОДХИСАТТВЫ

Основой Пути Бодхисаттвы являются Шесть Совершенств, только следуя которым, можно действительно помочь всем страждущим. Это совершенства Даяния, Нравственной силы, Терпения, Усердия, Равновесия ума и Мудрости.

Вот как говорил об этом мудрец Атиша, обращаясь к тибетцам:

«Весь Путь заключается в Шести Совершенствах. Если вы постигнете истинный смысл Учения — тогда избавитесь от слепой жажды всех вещей, материальных и духовных, и ваша жизнь станет непрерывным актом Даяния. Когда не останется привязанностей, вам больше не будут препятствовать дурные дела, и вы познаете непрерывную гармонию Нравственности. Освободившись от загрязнений безнравственных поступков, вы освободитесь и от проникнутого страстью господства

своего «я», и достигнете бесконечного Терпения. Когда истинным счастьем для вас станет реализация Дхармы, вы наполнитесь бесконечным энтузиазмом и энергией Усердия. С помощью великого Усердия вы войдете в состояние Равновесия ума. И, наконец, когда ваш ум полностью освободится от омрачений, вы достигните непрерывной запредельной Мудрости».

О НАКОПЛЕНИИ БЛАГИХ ЗАСЛУГ

Следуя Шести Совершенствам, человек накапливает благие заслуги. Заслугой в буддизме называют кармически правильное, доброе деяние. Из дня в день, из жизни в жизнь поступая мудро и сострадательно, человек создает благу карму, которая обеспечивает хорошие перерождения, и в конечном итоге приводит к Просветлению.

Совершение благих дел для накопления заслуг – очень распространенная практика во всех буддийских странах. Причем накопленные заслуги можно и нужно передавать прочим страдающим существам – например, голодным духам, животным или другим людям. При совершении благих поступков, в частности, даяния, очень важно иметь правильную мотивацию, которой является бодхичитта. А также, как говорят буддийские тексты: «...перед даянием учесть все последствия его существа, получающего дар; пребывать в счастливом настроении, ум свой освободить от омрачений; после даяния быть довольным совершенным поступком...» Не менее важным качеством считается и умение искренне радоваться заслугам других.

«В давние времена правил страной Кошала добрый и справедливый царь. Он был сказочно богат, прекрасен лицом и телом, прославился как бесстрашный полководец и мудрый правитель. Все окрестные цари склонили головы перед ним, и мир наступил на долгие годы.

Но народ любил своего царя не за воинские подвиги, а за безграничную щедрость. С радостью в сердце оделял царь всех нуждающихся, и народ его жил в благоденствии.

Однажды царю приснился странный сон, после чего заметили придворные, что часто стал их правитель с улыбкой на устах повторять одну и ту же фразу: «Комочек каши! Простой комочек каши!»

Супруге царя, прекрасней которой не было на свете, тоже стало любопытно, и однажды она спросила: «Возлюбленный муж мой, почему ты без устали повторяешь эту странную фразу?»

Царь посмотрел на нее с нежной улыбкой и ответил: «Возлюбленная жена моя! Случилось так, что во сне я увидел свою прошлую жизнь. Я жил в нашем городе и был бедным ремесленником. Я много работал, но денег едва хватало, чтобы прокормить семью. И вот однажды на рассвете я повстречал у своего дома четверых изможденных шраманов. От сострадания к ним сжалось мое сердце, я пригласил отшельников в дом, но нечем было накормить их. У меня оставался лишь комочек каши, который я оставил, чтобы съесть вечером, после тяжелой работы. Я, со слезами от того, что не могу накормить их, протянул шраманам этот комочек каши. И тут, подобно яркой вспышке молнии, во сне мне открылась истина: огромное царство, богатства, слава стали наградой за простой комочек каши, поднесенный нищим шраманам в прошлой жизни!»

СОВЕРШЕНСТВО ДАЯНИЯ

Из всех Совершенств бодхисаттвы на страницах этой книги мы особенно подробно рассмотрим Совершенство Даяния, которое лежит в основе буддийской благотворительности.

Даяние может быть трех видов: Дар щедростью, Дар бесстрашием и Дар Учением. Как уже говорилось выше, даяние всегда должно быть мотивировано бодхичиттой, иначе оно теряет свое кармическое значение и даже может причинить вред.

Великий буддийский йогин и мыслитель Падмасамбхава говорил: «Пусть ваш дар – лишь единое зернышко кунжута, это не имеет значения: если вы отдаете его с состраданием и бодхичиттой, то обретаете стократную заслугу. Если же вы даете что-то без помыслов бодхичитты, то заслуги ваши не возрастут, пусть даже вы принесете в дар золото, скот и коней!»

Будда Шакьямуни всегда повторял своим ученикам, что богатство имеет значение только тогда, когда его используют на благо нуждающимся. Ведь смерть все равно заставит нас расстаться с накопленным добром. Так лучше раздать богатства при жизни, принеся радость и пользу себе и другим. Богатства, говорил Учитель, вообще существуют лишь для того, чтобы человек мог проявить свою щедрость. Щедрость

бескорыстную, не преследующую каких-либо целей, а одаривающую из любви и сострадания.

Дар Щедростью

. «Жил на земле человек по имени Авишахья. Будучи главой артели ремесленников, он много трудился и накопил значительное состояние. Но главной радостью его жизни была помощь страждущим и неимущим. Настолько щедрым было его сердце, что ни разу не сказал он «нет» просящему. Каждый день к его дому приходили нищие, отшельники и калеки, и никто не уходил обделенным.

Бог Индра, узнав о великой щедрости Авишахьи, решил испытать его. Однажды, проснувшись утром, Авишахья обнаружил, что из его дома пропали все самые ценные вещи.

«Не страшно! – улыбнулся ремесленник, - Значит, они кому-то нужны больше, чем мне!»

Изумился Индра, и на следующее утро в доме Авишахьи осталось только самое необходимое.

«Не беда! - снова улыбнулся ремесленник. - Надеюсь, все эти вещи попали не в руки разбойников, а к добрым людям!»

Еще больше изумился Индра, и наутро Авишахья увидел, что дом его совершенно пуст, остался лишь старый серп и моток веревки.

«Как же теперь быть? – расстроился Авишахья, - как смогу помочь я несчастным, которые придут ко мне за помощью, если сам ничего не имею? Впрочем, я знаю, что можно сделать!»

С этими словами Авишахья отправился в поле. Там он серпом резал тростник, веревкой связывал его в пучки, относил на базар и продавал мастеру, плетущему циновки. А все заработанные деньги по-прежнему раздавал нищим.

Еще больше изумился Индра и предстал перед бывшим ремесленником в своем прекрасном облике:

«Одумайся, Авишахья! – прогремел голос бога, - Остановись, накопи богатства, а уж потом раздавай их людям! Так ты сможешь принести гораздо больше пользы!»

Авишахья улыбнулся и ответил: «О, благородный Индра! Мне не надобно богатств, из-за которых я сам превращусь в скрягу!»

Тогда бог Индра воскликнул: «Безумец! Остановись в своей расточительности! Ты думаешь, это воры унесли все, что было у тебя? Нет! Ты в глупой щедрости своей и не заметил, как раздал все и сам стал нищим!»

Снова улыбнулся Авишахья, и сказал: «Пусть так, о Благородный! Но не могу я жить, если вижу страдания людей, которые просят подаяния. Не могу ждать, пока накоплю богатства – так можно ждать всю жизнь. Я с радостью делюсь последним, и я счастлив!»

Тогда бог Индра низко поклонился Авишахье, и промолвил: «Воистину, щедрость твоя безгранична! Прости меня, Авишахья, ибо я подверг тебя этому испытанию! Ведь и камень драгоценный, хотя бы и прекрасный на вид, не считается без проверки подлинным сокровищем. Теперь я вижу, что ты страдаешь страданиями других и, движимый любовью, стремишься к благу мира. Отныне никогда твои богатства не иссякнут, и каждому нуждающемуся ты сможешь помочь в полной мере!»

С этими словами бог Индра вернул Авишахье все его великие богатства и, получив прощение, исчез...»

Историю о великом ламе, совершающем чудеса, я впервые услышал от одной старой бурятки. Бабушка рассказала, что этот лама мог мгновенно перемещаться на огромные расстояния, и даже переезжал по воде озеро верхом на коне.

- Что, ходил по воде, аки посуху? – не поверил я.

- Да что там ходил! – возмутилась старушка, - Ходят-то по воде у нас многие ламы. Так тот ведь еще и коня поднимал!

«Ходить по воде и сквозь стены легко. Трудно прожить достойную жизнь...» - вспомнил я слова своего учителя. Пандито Хамбо-ламе Итигэлову, о котором и рассказывала мне старая бурятка, это удалось.

Сейчас Итигэлов известен, прежде всего, как человек, сумевший «победить смерть». Его нетленное тело хранится в Иволгинском дацане, являясь объектом поклонения для верующих и загадкой для ученых. Но мало кто знает Итигэлова как великого гуманиста и благотворителя.

Во время Русско-Японской войны Итигэлов был настоятелем Янгажинского дацана, и многие его прихожане служили в казачьем войске. Тысячи людей не вернулись с полей сражений, и тогда Итигэлов построил две молельни - Чойра-дуган и Дэважин-дуган. Верующие, приходившие туда, могли передать свои благие заслуги погибшим, чтобы обеспечить им хорошее перерождение. На это строительство Итигэлов отдал все свое состояние — около 15 тысяч рублей. Собрал он и значительную сумму в виде пожертвований среди населения.

Когда началась Первая Мировая война, по инициативе Итигэлова, теперь уже Пандито Хамбо-ламы, в Верхнеудинске было создано «Общечурятское общество», куда вошли 120 духовных и светских лиц. Главной задачей этого общества было привлечение населения к оказанию финансовой и материальной помощи фронту. В 1915 году Пандито Хамбо-лама Итигэлов объехал все дацаны Бурятии и организовал сбор средств. На собранные деньги ламы приобрели одежду, обувь, полотенца, табачные изделия, ягоды, сахар, другие товары первой необходимости и отправили к Пасхе на действующий фронт, оказали помощь многим госпиталям. Кроме этого, в прифронтовые госпитали для оказания помощи и лечения раненых были направлены ламы-врачи во главе с Кенсур Хамбо-ламой Иролтуевым.

В итоге, благодаря деятельности этого общества удалось собрать 130 000 рублей, продукты питания, обмундирование, медицинские принадлежности и установить в прифронтовой полосе лазарет стоимостью 30 000 рублей, где работали опытные ламы-врачи.

Говорят, жил в городе Раджагрихи человек, владеющий несметными богатствами по имени Анатхапиндика. Услышав, что Будда остановился в бамбуковой роще вблизи города, он в ту же ночь отправился к нему.

Учитель прозрел чистоту сердца Анатхапиндики и приветствовал его благостными словами. Анатхапиндика сказал: «Я вижу, что ты - Будда, Благословенный, и хочу открыть тебе мое сердце. Выслушай меня и посоветуй, как мне поступить. Я приобрел большое богатство, жизнь моя полна трудов, я

окружен заботами. Тем не менее, я люблю свое дело и прилежу ему со всем усердием моим. Много людей работает у меня, и благосостояние их зависит от успеха моих начинаний. Но я услышал, как твои ученики восхваляют блаженство и радость жизни отшельника и осуждают суету мирскую. «Благословенный, - говорят они, - отказался от целого царства и бесчисленных сокровищ, и нашел путь праведный, подав пример всему миру, как достичь Нирваны».

Сердце мое жаждет поступать справедливо и праведно. Потому я хочу спросить тебя, должен ли я отказаться от моего богатства, моего дома и моих дел и, подобно тебе, стать отшельником, чтобы вести жизнь праведную и достичь Просветления?»

И Будда ответил: «Не всякий, носящий желтые одежды отшельника – праведник. Человек, уходящий из мира, чтобы вести жизнь беззаботную и бездеятельную, ничего не достигает, напротив - жизнь в лености вызывает отвращение, и такая жизнь должна быть презираема. Учение Татхагаты не требует, чтобы человек непременно отрекся от мира - если только он не чувствует к этому истинного призвания.

Праведность достигается каждым, кто следует благородному Пути Освобождения, кто полон желания помочь всем страдающим в сансаре. Тот, кто привязан к богатству, пусть лучше оставит его, нежели позволит отравить им свое сердце; но тот, кто не привязан к богатству и кто, обладая им, милосердно и праведно употребляет его, будет благословением своим ближним!

Я говорю тебе: сохрани свое положение в жизни и еще усерднее приложи свое умение к делам твоим. Не жизнь, не богатство, не власть делают из человека раба, но лишь его привязанность к жизни, богатству и власти...

Дар Бесстрашием

Наша команда тренировалась в Калмыкии перед путешествием в далекую Монголию. Мы крутили педали велосипедов, проходили дни, но буддизма, во многом ради которого я и отправился в степную республику, было не видно, не слышно. Первый буддийский храм, или хурул, на нашем пути оказался запущенным и полуразрушенным – обшарпанные стены, гнилые крыши, сломанные молитвенные

барабаны, на покосившейся двери – ржавый замок... Причем храм был вовсе не древний - таких в Калмыкии вообще не осталось - его построили в честь 50-летия Победы.

Хурула в поселке Комсомольский мы бы и вовсе не заметили, если бы нас не проводили к нему сопровождавшие команду милиция и местные проводники. Хурул оказался маленьким одноэтажным домиком, за скромными воротами - небольшой сад. Гелюнг, как здесь называли ламу, оказался на месте. Худой молодой калмык, надев шафрановую мантию и желтую коническую шапку, пригласил нас зайти внутрь. В полутемном помещении пахло благовониями, слабый свет из небольших окон падал на статую Будды и изображения святых. А у стены стояли обшарпанные пластмассовые кресла, явно из старого сельского кинотеатра. Молодого ламу звали Батман. Я попросил Батмана рассказать немного об истории буддизма в Калмыкии.

- Вы вещи с кем оставили? Милиция? – лама подошел к окну, осторожно выглянул, и немного успокоился, увидев две милицейские машины рядом с нашими велосипедами.

– Вот вам и история. Не любят нас здесь. Мы сейчас сидим, разговариваем, но в любой момент могут ворваться, разрушить все, избить... - мы удивленно переглянулись, а лама продолжал. – За пять лет, что существует этот хурул - даже не хурул, молельный дом - я уже восьмой гелюнг. Тяжело здесь, а у нас ведь не принуждают служить – не нравится, можешь уехать, никто слова не скажет. Поэтому и стоят хурулы пустые по всей Калмыкии...

Верующих примерно процентов десять, а может и меньше. Сейчас буддизм искусственно возрождают, но это все политика и реклама – сам народ не тянется, культура утрачена после депортации. Тогда ведь все храмы разрушили, ценности вывезли – в Москву, Петербург...

Впрочем, кое-что удалось сохранить. Когда гелюнгов изгоняли и разрушали храмы, самые ценные статуи и тханки монахи передали простым людям – и те сохранили их в изгнании. Эти вещи были единственным, что они успели взять с собой. В 1943 году всех калмыков, обвинив в пособничестве фашистам, по приказу Сталина загнали в вагоны и увезли в Сибирь, в Казахстан. На сборы дали сутки... Старики рассказывали, что именно эти святые вещи помогли в изгнании, не дали убить душу народа. Даже находясь в лагерях и в ссылке, ламы не переставали молиться и на

расстоянии поддерживали простых людей, даруя бесстрашие, отгоняя уныние и отчаяние. И народ наш не только выжил, но и сохранил свою веру...

Потом я спросил Батмана, как он решил стать ламой. Оказалось, что в Калмыкии до сих пор сильны родовые отношения и традиции, а из рода Батмана вышло немало гелюнгов. Ну и конечно, голос сердца – просто ради традиций не возложишь на себя сотни обетов...

Расставаясь, Батман проводил нас до калитки.

- Скажи, а тебе не бывает страшно здесь, одному?

Батман грустно улыбнулся:

- Бывает... Но я учусь преодолевать страх. Мой учитель говорит, что Дар бесстрашия ценнее дара вещами. Ведь это защита живых существ не столько от всяких реальных опасностей, сколько от страха, как такового. Ведь если человеку страшно, ему не до Учения, куда там! Испуганный человек вообще не в состоянии нормально думать, тем более следовать Пути.

Когда я научусь преодолевать страх, я смогу даровать бесстрашие и другим, как это делает мой учитель. Для этого существуют специальные молитвы и медитации. И даже если где-то далеко-далеко человека терзают страх и уныние, с помощью Дара бесстрашия можно придать ему сил и уверенности...

«Жил в одной стране добродетельный человек, истинный Бодхисаттва, своим трудом накопивший большие богатства, а мудростью подобный брахману. Никогда не хвалился он своими сокровищами, не прятал их в доме, но с великой щедростью раздавал всем нуждающимся. И нищие, стоя у порога его дома, не мучились вопросом: «Подаст или не подаст?»»

И вот однажды, когда Бодхисаттва собирался сесть за стол и приступить к трапезе, к его дому подошел смиренный нищий. Встав в отдалении, он опустил глаза и застыл, держа в руках чашу для подаяний.

«Возлюбленная моя! – обратился хозяин к своей жене, - Подай этому смиренному страннику еды с нашего стола, чтобы он мог разделить нашу трапезу!»

Тем временем коварный демон Мара, желая не допустить еще одного проявления щедрости Бодхисаттвой, разверз между его домом и нищим страшную пропасть, полыхающую огнем. Жена Бодхисаттвы, несущая блюдо с едой и напитками, в ужасе отпрянула перед рвом, объатым пламенем. Тогда сам хозяин, взяв у жены блюдо, подошел к огненной пропасти.

И понял Бодхисаттва, что это злокозненный Мара мешает ему совершать сострадательные поступки, и желает погубить его. В этот миг страх сковал его движения, и он замер перед огненным рвом...

Но не простой нищий пришел в тот день к дому Бодхисаттвы, сам Будда явился в образе просящего подаяния. Видя страх и смятение праведника, Благословенный мысленно послал ему Дар бесстрашия. В тот же миг сердце Бодхисаттвы успокоилось, и ему показалось, что он слышит голос: «Не бойся! Адское пламя Мары не причинит тебе вреда, ибо ты идешь, чтобы накормить страждущего!»

И тогда смело шагнул Бодхисаттва в раскаленную пропасть. И – о чудо! Под его ступнями стали распускаться прекрасные цветы лотосов, и по ним, невредимый, Бодхисаттва перешел пропасть, и с поклоном протянул нищему блюдо с едой...»

* * *

Во время конференции по вопросам монголоведения в Улан-Баторе мне довелось познакомиться с молодым бурятским ученым по имени Баир. Встреча наша произошла в удивительно красивом месте, в «Чингизийн Хурээ», где создан музей под открытым небом «Ставка Чингисхана».

Разговор наш с истории Монголии плавно перешел к буддизму, к вопросам веротерпимости.

- О, это интересная тема! – улыбнулся бурят, - Буддизм - удивительная религия! Хотя бы тем, что он не знал религиозных войн, преследований и мучеников за веру – по крайней мере, до XX века...

- Вы сказали – преследований не было до XX века? А потом?

- Потом начались гонения в Советской России. Многие храмы и монастыри были закрыты или разрушены, монахов расстреляли или посадили. Это было страшное

время. И тогда многих людей спас Дар бесстрашия, который монахи посылали верующим даже из лагерей и тюрем. Вы знаете о Бидии Дандароне?

- Только то, что он практиковал Тантру и был репрессирован...

- Дандарон был выдающимся буддийским философом. В 1921 году в нем, шестилетнем мальчике, признали перерождение одного из великих лам Тибета, и провозгласили Дхармараджи – «Царем Учения». Но носить столь высокий духовный титул в Советском Союзе было смертельно опасно. В 1937 году Дандарон был арестован, после чего многие годы провел в тюрьмах и лагерях. Но и в тех поистине нечеловеческих условиях Бидия Дандарон оставался бесстрашным, гордым, негибачаемым человеком, и смог помочь очень и очень многим...

Дар бесстрашия можно передавать на расстоянии, но можно и непосредственно, просвещая людей, утешая их в трудную минуту. В лагере с ним сидели и ламы, и ученые, но всех их объединил Дандарон. Он рассказывал о буддизме, учил искусству медитации, тантрическим практикам. Это было удивительно - люди, лишённые всего, с риском для жизни продолжали заниматься духовной деятельностью!

Когда Дандарона выпустили из тюрьмы, он некоторое время жил в родном селе в Бурятии, где, несмотря на запреты, практиковал Учение и помогал людям! Это было большим счастьем для верующих, и большой проблемой для советской власти. Его снова посадили. Перебравшись в город после выхода на свободу, он долгое время не мог устроиться на работу, и нередко ночевал на улице. Но друзья по лагерю помогли ему, и вскоре Дандарон создал в Ленинграде тайный кружок буддистов, куда вошли не только буряты, но и многие молодые люди из Европейской России, а также некоторые известные востоковеды и буддологи. Но в 1972 году Дандарона и его учеников арестовали, и вскоре он умер в тюрьме...

Баир помолчал, и продолжил рассказ:

- А после оккупации Тибета китайцами, особенно во время «культурной революции», гонения начались и в священной Стране Снегов. Монастыри были разрушены, монахи расстреляны или брошены в тюрьмы. Многие навсегда покинули родину, в том числе и Далай-лама. Но Дар бесстрашия, который передают монахи, непрестанно читая специальные молитвы, помогает людям выстоять, выдержать трудности и лишения, сохранив при этом веру в Учение Будды...

Дар Учением

Знакомой по прошлым экспедициям дорогой я подъезжал к калмыцкому поселку Яшкуль. Пропетляв по пыльным улицам, я вскоре оказался у школы, за которой ярко светился крашеным деревом буддийский храм-хурул.

Мне навстречу вышел калмык средних лет, в традиционном облачении ламы.

- Здравствуйте! – улыбнулся я и назвал свое имя.

- Здравствуйте, здравствуйте! Лувсын меня зовут. Я местный гелюнг. О, Вы на велосипеде приехали! Не трудно по нашим-то дорогам педали крутить?

- У Вас дороги еще ничего - не то, что в Монголии! – улыбнулся я. – И потом, на велосипеде я свободен, могу заехать в любое место.

Лама засмеялся:

- Я вижу, Вы настоящий кочевник! Ну, пойдете в дом!

Лувсын жил в небольшой деревянной пристройке с другой стороны храма. Комната ламы была полна книг – как узких и длинных буддийских, завернутых в ткань, так и вполне современных, в твердых и мягких обложках.

Заметив мой интерес к книгам, Лувсын улыбнулся:

- Моя библиотека! Много лет собирал эти чудесные книги. Я ведь гелюнгом стал недавно, до этого всю жизнь работал учителем в школе.

- Здорово! – искренне восхитился я, - Я тоже всю жизнь проработал в школе!

Лувсын с улыбкой посмотрел на меня, и сказал:

- Ну что же, коллега! Давайте попьем калмыцкий чай и поговорим. Что привело Вас в наши края?

- Вы знаете, Лувсын, интерес к буддизму. Не книжному, академическому, а живому. К живой традиции. Я уже не первый раз в вашей замечательной республике. Дважды заезжал и в этот хурул, но Вас не было.

- Да, работы много. Приходится выезжать и в другие поселки, и в город. Может быть, сказывается школьное прошлое, но я считаю обязательным объяснять людям суть Учения, а не просто проводить обряды. Ведь многие у нас искренне верят, что если вращать молитвенные барабаны и заказать молитву у ламы, то все в жизни будет хорошо!

- Ну, этому и у нас многие верят! – усмехнулся я, - Зайди в храм, поставь свечку у любимого святого – и порядок!

- Вот-вот! Не знаю насчет других религий, но в буддизме главное – знание, ясное понимание того, что ты делаешь. Дурной поступок, совершенный неосознанно, не считается грехом. Но и благое дело, совершенное неосознанно, не является заслугой!

- Лувсын, а почему Вы ушли из школы? Устали от детей? – спросил я.

- Вы знаете, Костя, в буддизме Путь человека – это, прежде всего, бескорыстное служение людям. Я много лет добросовестно работал в школе. А потом понял, что гораздо больше смогу сделать, став гелюнгом.

Ведь работа в школе и в хуруле очень похожа. И там и там мы учим людей. Вы слышали о Даре Учением?

- Да, я слышал о Трех Дарах, – кивнул я.

- Так вот, - продолжил лама, - Дар Учением занимает особое место среди Трех Даров. Он гораздо ценнее Дара вещами, а нередко дороже и Дара бесстрашием. Каждое слово Учения, произнесенное с подлинной бодхичиттой в сердце, - это великое сокровище, польза от которого будет и в этой, и в будущих жизнях. Ведь только Учение может разрушить неведение, которое является главным грехом в буддизме и основным препятствием на пути к Просветлению.

Даровать Учение можно по-разному: кто-то нашептывает мантру «Ом мани падме хум» на ухо животным, чтобы в следующей жизни они обрели человеческое воплощение; другой проповедует, третий строит буддийский храм, четвертый переписывает священные книги – главное посвятить свои труды и духовные заслуги на благо всех живых существ.

Наш народ, калмыки, всегда стремились к знанию. Вот, например, известно ли Вам, какие три народа вошли в состав Российской Империи со своей собственной письменностью?

- Ну, первый народ – это, разумеется, калмыки! – улыбнулся я. – А еще, наверное, грузины и армяне?

- Да-да, совершенно верно! Почти 360 лет назад великий калмыцкий мыслитель, ученый лама Зая-Пандита создал собственную калмыцкую письменность – Тодо Бичг, или «ясное письмо». А ведь калмыки вошли в состав Империи еще и со своей конституцией, в создании которой тоже принимал участие Зая-Пандита!

Зая-Пандита был настоящим подвижником! Он не сидел в каком-то одном монастыре, уйдя от мира и живя в свое удовольствие, как делали многие ламы тогда, да и сейчас. Без усталости разъезжал он по кочевьям, проповедуя и просвещая людей. Несмотря на постоянные войны между восточными халаха-монголами и западными ойратами, он приезжал в Халху, проповедовал учение Будды, переводил книги, посвящал в монахи. Приезжал Зая-Пандита и к нам, в Калмыкию, причем дважды! Он читал проповеди поволжским торгутам, дэрбэтам и хошутам и очень многое сделал для распространения буддизма в Калмыкии.

Говорят, письменность явилась ему в озарении, во время медитации. Но мне кажется, что этому предшествовал тяжелый и кропотливый труд. С помощью новой письменности Зая-Пандита перевел с тибетского языка на ойратский около 200 важнейших буддийских трудов. Он мечтал объединить всех монголов, поэтому хотел, чтобы новая, более совершенная письменность, распространилась и в Халхе, и на Волге, и в Джунгарии.

Благодаря его связям с Тибетом калмыки не утратили Учение даже тогда, когда прервались связи с Монголией. В Тибет наши ламы ходили вплоть до начала гонений на буддизм в 30-х годы. Это живое общение с важнейшими духовными центрами буддизма подпитывало веру, и вера помогла нам выстоять в годы депортации. И теперь калмыки – единственный народ, живущий в Европе, но исповедующий буддизм. Дальше на Запад буддизм пока не продвинулся.

- А как же дацан в Санкт-Петербурге? – хитро улыбнулся я.

- О, конечно! Постройка его была великим благом для всех буддистов. Но о человеке, который возвел храм в столице, великом подвижнике Агване Доржиеве, тебе лучше расскажут буряты! – засмеялся лама.

Однажды Благословенный Будда повстречал крестьянина по имени Шригала, который, в мокрой одежде, с распущенными волосами и со сложенными руками кланялся на все четыре стороны света, а также зениту и надиру. Будда, зная, что он исполняет древний обряд, который по традиционному религиозному суеверию должен отвести несчастья от его дома, спросил Шригалу:

«Почему совершаешь ты этот странный обряд?»

Шригала ответил: "Ты считаешь странным, что я охраняю мой дом от влияния злых духов? Я знаю, что ты, Будда Шакьямуни, кого люди называют Благословенным, уверен, что вызывания мои бесполезны и не обладают никакой спасительной силой. Но выслушай меня и узнай, что, совершая этот обряд, я исполняю завет моего отца!».

Тогда Будда сказал: «Ты поступаешь хорошо, о Шригала, исполняя завет своего отца; и твой долг охранять дом, жену и детей от злобных духов. Я не вижу ничего плохого в совершении обряда, завещанного твоим отцом. Но я вижу, что ты не понимаешь его смысла!

Позволь Татхагате, который сейчас говорит с тобою, как духовный отец, и кто любит тебя не меньше, чем любили тебя твои родители, позволить ему объяснить тебе смысл этого обряда!

Чтобы охранить твой дом, этих обрядов недостаточно. Ты защитишь его добрыми поступками по отношению к окружающим людям. Обратись к твоим родителям на восток, к твоим учителям на юг, к твоей жене и детям на запад и к твоим друзьям на север. Поблагодари их и поклонись им. Затем обратись к надиру, к твоим работникам и слугам, и к зениту – всем святым людям. Поблагодари их и воздай им должные почести в мыслях своих. Именно такого благочестия хотел от тебя твой отец. Пусть совершение обряда напомнит тебе о близких людях!»

И Шригала посмотрел на Будду с великим почтением, как на родного отца, и сказал: «Истинно, Ты Будда, Благословенный и Святой Учитель. Я никогда не понимал, что делаю, но теперь я знаю. Ты мне открыл истину, которая была сокрыта, ты принес лампаду Учения в темноту моих мыслей. Прибегаю к Тебе, Благословенному Учителю, достигшему озарения, прибегаю к Истине, дарующей Просветление, прибегаю к убежищу братьев!»

СОВЕРШЕНСТВО ПРАВСТВЕННОЙ СИЛЫ

В Улан-Баторе, во дворце Богдо-Гэгэна, находится удивительная статуя Зеленой Тары. Весь облик Тары дышит юностью – она красива, стройна, изящна. Богиня сидит, опираясь на левое бедро, верхняя часть её тела слегка развёрнута вправо. Правая нога Тары спущена с трона-лотоса, и кажется, что богиня вот-вот оживет и сойдет к людям. В отличие от остальных Тар, изображаемых как богини, эта выглядит живой, круглолицей монгольской девушкой; и эту жизненность нельзя рассматривать как вольность скульптора. Ведь Зелёная Тара, согласно буддийскому учению, ближе всех к простым людям и сама приходит на помощь страдающим.

Монголы очень почитают именно это изображение Зеленой Тары. И ходит легенда, что статуя однажды заговорила...

Скульптора, изваявшего Зеленую Тару, звали Дзанабадзар, или Мудрость Просветления. Также звали его Джебцун-Дамба, Высочайший, и Ундур-Гэгэн, Великое Перевоплощение. А в Европе его назвали бы Гением.

Ведь Дзанабадзар был не только скульптором. Он был еще и живописцем, написавшим прекрасные в своем совершенстве изображения будд и бодхисаттв. Он был поэтом, чьи произведения помнят и любят в буддийском мире по сей день. Он был лингвистом, создателем монгольской письменности. Он был философом, разработавшим новые виды медитации. Он был издателем духовной литературы и строителем монастырей и храмов. Наконец, Дзанабадзар был духовным и политическим главой страны в один из самых драматичных периодов истории Монголии – в эпоху смуты и гражданской войны XVII века...

Но главным делом своей жизни Дзанабадзар считал просвещение народа. Во время обучения в Тибете Дзанабадзар создал монгольский алфавит соёмбо.

Простые люди очень любили молодого правителя. И однажды верующие решили построить особую обитель для Ундур Гегена, в которой он смог бы спокойно трудиться. Никто не остался в стороне, каждый пожертвовал хоть немного на строительство храма. Так в прекрасном Хангае, среди горных рек и лесов был возведён монастырь Тухвин, Храм Созерцания, наречённый «Землёй благословенной и уединённой». И многие прославленные работы Дзанабадзара были созданы именно там.

Также Ундур Гэгэн был собирателем священных книг, которые были поднесены в дар монгольским монастырям. Ундур Гэгэн изучил и в совершенстве знал древнеиндийский поэтический трактат “Кавьядарша”, написал комментарий на некоторые его разделы и создал собственный поэтический стиль.

Среди его стихов особой известностью пользовалось благопожелание «Джанлабитсогдзол», ставшее для всего народа ежедневной молитвой. В каждой строке этого прекрасного стихотворения звучал призыв к состраданию и жизни без войн.

Но многолетняя гражданская война, опустошившая Монголию, не прекращалась. Между ханом ойратов и владыкой халха-монголов шла борьба за власть, а правители соседних стран стремились разорвать Монголию на части.

Дзанабадзара почитали все монголы, не только потому, что он являлся духовным лидером страны, но и за удивительную нравственную чистоту, бескорыстие и доброту. Ему удалось собрать в своей обители ханов и нойонов из противоборствующих лагерей. Ундур Гэгэну обратился к владыкам монголов с речью о сострадании и терпении, после чего многие давние враги заключили мир!

Ундур Геген глубоко изучил теорию тибетской, индийской и китайской архитектуры, и стал профессионалом в возведении монастырей и храмов. В монастыре Эрдэнэ-Дзу. Ундур Гэгэн, мечтая объединить монголов и прекратить гражданскую войну, возводил храмы на месте разрушенного Каракорума,

столицы Чингисхана. Пожертвования на храмы собирались по всей стране, и люди были счастливы помочь любимому правителю в этом благородном деле.

Но окончательно объединить страну Дзанабадзару не удалось. Узнав о распрях среди монголов, китайцы решили воспользоваться этим и захватить Северную Монголию. Им был вовсе не нужен чистый душой, бескорыстный правитель, преданный своему народу. Китайский император пригласил Дзанабадзара в Пекин, якобы для того, чтобы все приближенные получили духовное посвящение от столь великого ламы. Дзанабадзар, приняв приглашение, приехал в столицу Китая и был предательски убит.

Величайший художник, скульптор, архитектор, поэт Дзанабадзар передавал в своих творениях через красоту форм высочайшие устремления человеческого духа, и всю силу своего таланта отдал бескорыстному служению людям. Ундур Гэгэн говорил: «Зло и ненависть заставляют стареть человеческое сердце. Стареет и тело, но не стоит жалеть об этом - сожалею лишь о старении сердца...»

СОВЕРШЕНСТВО ТЕРПЕНИЯ

«В давние времена правил своим народом царь по имени Шиби. Владел царь несметными богатствами, но щедрость и желание помочь всем нуждающимся переполняли его сердце. И вот царь по своей щедрости повелел устроить повсюду в городе дома бесплатной раздачи всего необходимого: зерна, всякого добра и разнообразной утвари. Нуждающимся в пище он предоставлял пищу, жаждущим он предлагал питье, иным давал постели, сидения, платья, лакомства и благовония, венки, серебро, золото, - каждому давал то, в чем тот чувствовал нужду. И когда молва о дивной щедрости царя распространилась повсюду, то люди, жившие в самых различных отдаленных концах земли, с великим изумлением и радостью в сердцах, устремились в эту страну. И каждого царь привечал ласковым словом, и каждый получал все необходимое. И, когда видел царь радостные лица людей, сердце его наполнялось еще большей радостью.

Но через некоторое время Шиби заметил, что мало осталось просящих, что весь народ его пребывает в благоденствии. Опечалился царь, ибо очень сильно было в нем стремление к щедрости. И у царя явилась мысль: «Поистине, блаженны те избранные, к которым нуждающиеся доверчиво и без стеснения обращаются со своими

просьбами, даже если они касаются их тела. Ко мне же люди, словно боясь суровых слов отказа, приходят лишь с робкими просьбами об имуществе!»

Бог Индра, услышав мысли царя, изумился: «Неужели этот человек настолько щедр, что не боится и тело свое раздать страждущим? Надо его испытать!»

Приняв облик старого слепого нищего, он пришел во дворец царя Шиби. Царь, увидев слепого, обратился к нему с ласковыми словами: «Чем помочь тебе, странник? Нуждаешься ли ты в деньгах, в одежде, в пище – скажи, и я с радостью одарю тебя!»

Поклонился нищий, поблагодарил царя, и сказал: «О, щедрый владыка! Я стар, и не принесут мне радости ни золото, ни одежды, ни пища. Но хотелось бы мне перед смертью хоть раз взглянуть на этот мир. Не отдашь ли ты, царь, мне один свой глаз?»

Ропот возмущения пронесся по рядам подданных, а царь подумал: «Нищий ли сказал эти слова? Или мне послышалось, ибо давно я мечтаю и тело свое отдать страждущим?»

И спросил царь: «Скажи, кто надоумил тебя прийти ко мне?»

«Это Индра, верховный бог, послал меня к тебе!» - воскликнул нищий.

«Раз ты пришел по указанию самого Индры, для него не сложно будет сделать так, чтобы глаза мои засияли на твоем лице. Ибо ты просил один глаз, но я отдам тебе оба, и под конец жизни ты насладишься созерцанием этого мира!»

И царь призвал врачей, те извлекли его глаза, и приложили к пустым глазницам нищего. И волшебной силой Индры прекрасные глаза царя засияли на изборожденном морщинами лице старика.

Радостно вскричал нищий, бросился в ноги царю Шиби, и удивленно оглядывал открывшийся ему мир. А потом, покинув дворец, всюду рассказывал о безмерной щедрости царя.

Все жители царства лили горькие слез, оплакивая глаза владыки. А слепой царь бродил на ощупь по покоям дворца, и радостно было у него на сердце. И вот спустя

некоторое время царь сидел на берегу пруда в своем парке. Неожиданно он услышал гудение роя пчел, и пряный аромат разлился вокруг.

«Кто здесь?» - спросил слепой царь.

«Это я, бог Индра, явился к тебе, - раздалось в ответ, - скажи, о щедрый царь, чего ты желаешь?»

«Я всегда желал лишь блага другим, и ничего не просил для себя, - ответил Шиби, - но с тех пор, как я ослеп, я все чаще думаю о смерти. Народ мой живет в благоденствии, я смог помочь всем, кто просил о помощи. А теперь я хочу уйти...»

«Нет, царь, не пришло еще твое время! – ответил бог Индра, - Но за твою безмерную щедрость, за твое безмерное терпение я дам тебе новые глаза, куда лучше прежних. Ибо отныне сможешь ты видеть не зримое прочим, и читать в сердцах людей!»

С этими словами Индра исчез, а царь Шиби прозрел. Радостным был этот день у всех подданных щедрого царя! А сам Шиби прожил долгую жизнь, и, прозревая сердца людей, смог помочь еще очень и очень многим...»

СОВЕРШЕНСТВО УСЕРДИЯ

Далеко не все знают, что в Санкт-Петербурге находится действующий буддийский храм. Конечно, он не является главной достопримечательностью города. Но этот храм, который носит название Дацан Гунзечойнэй, или «Источник Святого Учения Будды Всесострадающего» - самый северный буддийский храм на планете.

Дацан находится в районе Черной Речки, у станции метро «Старая Деревня». Окруженный могучими деревьями, сложенный из темного камня, храм массивной трапецией подпирает низкое петербургское небо. Если сравнить его с радостными, ярко расписанными храмами Бурятии и Калмыкии, Гунзечойнэй покажется мрачным и величественным замком. Но зато этот храм, построенный по тибетским канонам, чудесно вписывается в общий архитектурный облик северной столицы.

Дацан Гунзечойнэй построил в начале XX века бурятский лама, философ и политический деятель Агван Доржиев. Доржиев был известен многими благотворительными проектами, связанными с распространением Учения Будды. Но

главной его заслугой стала постройка первого буддийского храма в столице. Агван Доржиев говорил, что дацан будет способствовать сближению русских, бурят, калмыков и тибетцев, позволит русским ближе познакомиться с буддийской философией. Ему во многом удалось добиться поставленных целей. Сохранились фотоснимки начала 1910-х годов, на которых русские буддисты, в основном из высшего общества, стоят рядом с простыми бурятами и калмыками на ступенях еще не достроенного дацана.

Долго и терпеливо добивался Агван Доржиев разрешения на строительство первого буддийского храма в Петербурге. Работы начались в 1909 году в районе Черной Речки, у Старой деревни. Деньги на строительство пожертвовали сам Агван Доржиев, Далай-лама, многие российские буддисты. Постройка храма, долгая и трудная, завершилась в 1915 году, в разгар Первой мировой войны. Церемония освящения храма состоялась 10 августа, на ней присутствовали представители правительств Николая II, Далай-ламы XIII, сиамериканского короля Рамы IV и монгольского Богдо-гэгена. Побывавшие на открытии корреспонденты петербургских газет были поражены, увидев вместо скромной молельни для местных бурят и калмыков монументальное и величественное сооружение. Дацан с легкой руки журналистов тут же прозвали «Буддийская Пагода».

После революции, в 1919 году, храм был разграблен красноармейцами. Многие ценные вещи были украдены, трехметровая статуя Будды разбита, сожжена уникальная библиотека тибетских манускриптов, уничтожен огромный личный архив Агвана Доржиева, посвященный взаимоотношениям России, Тибета, Англии и Китая, который он собирал более 30 лет.

Но Агван Доржиев, следуя Учению никогда не унывающего Будды, не опустил руки, и сумел практически полностью отреставрировать храм, несмотря на царившую в стране разруху. Он постоянно пытался наладить отношения с новой властью, убеждая Ленина и Луначарского в необходимости свободы вероисповедания и культурного строительства.

Но в 1929 году новым антирелигиозным законом была запрещена деятельность буддийской церкви Забайкалья, в 1935 году начались преследования буддистов Ленинграда. В 1937 году после многочисленных арестов и расстрелов буддийская

община при храме перестала существовать, а в ноябре того же года в Бурятии был арестован и 85-летний Агван Доржиев.

Спустя несколько месяцев Агван Доржиев скончался в тюремной больнице города Улан-Удэ. Где он похоронен, до сих пор неизвестно.

Все, чему посвятил он свою жизнь, было уничтожено пожаром революции, раздавлено репрессиями 30-х годов, предано забвению в эпоху «развитого социализма».

Но остался храм. Каменный гигант, он пережил и осквернение, и страшные годы войны, и последующее использование для разных хозяйственных нужд. А в 1990 году Источник Святого Учения Будды Всесострадающего вновь забил, даря свет Учения жителям северной столицы и многочисленным паломникам.

СОВЕРШЕНСТВО РАВНОВЕСИЯ УМА

Работая в библиотеках над проектом экспедиции «Путь Темуджина», которая должна была пройти по следам армии Чингисхана, я обнаружил среди многочисленных жизнеописаний великих полководцев и воинов историю советника Великого Хана по имени Елюй Чуцай. Буддийский монах, попавший в плен к монголам, не только стал правой рукой Чингисхана, а затем его сына Угэдэя, но и спас от гибели миллионы людей. Все, что делал этот удивительный человек, шло в разрез с политикой кровавых завоеваний. Часто советы Елюй Чуцай воспринимались монгольской знатью как откровенная измена, и множество раз он был на волосок от гибели. Но монах не боялся смерти. Он боялся, что не сможет спасти других...

В конце правления Чингисхана на съезде монгольской знати, курултае, был поставлен вопрос: что делать с многомиллионным населением завоеванного Китая? Люди разбегались с разоренной монголами земли и уходили в леса, где становились разбойниками. Тогда многие полководцы склонялись к тому, чтобы полностью разрушить все города и села, поголовно истребить население и превратить Северный Китай в пастбища для монгольских табунов.

Елюй Чуцай понимал, что разжалобить великого монгола не удастся. И тогда он обратился к Чингисхану с поистине гениальным практическим предложением: «О, Великий хан! Если даже для изготовления луков требуются мастера-лучники, так

неужели для управления Поднебесной не нужны мастера управления? Твое войско собирается в трудный поход на Юг, и необходимо иметь средства на удовлетворение военных нужд. Если в Северном Китае справедливо установить земельный налог, торговый налог и сборы за соль, вино, плавку железа и продукты гор и озер, то ежегодно можно получать серебра 500 тысяч лян, шёлка 80 тысяч кусков и зерна свыше 400 тысяч ши. Их будет достаточно для снабжения армии. Как же можно говорить, что от китайцев нет никакой пользы, и их нужно уничтожить?!»

Чингисхан ответил: «Я поверю тебе, советник! Но если я не получу обещанного, то буду считать тебя лжецом, и ты умрешь вместе со всеми!»

Через год в Монгольской империи были собраны первые налоги. Доход превзошел все ожидания Чингисхана, и с тех пор он еще больше стал доверять Елюй Чуцаю.

В 1227 году Чингисхан умер, и на престол взошел его сын, Угэдэй. Власть в Монгольской империи была выборной. Говорят, избранию Угэдэя великим ханом немало способствовал Елюй Чуцай, к чьим советам молодой хан прислушивался еще при жизни отца.

После уничтожения в 1227 году тангутского царства Си-Ся монголы начали завоевание Южного Китая. В 1230 году Елюй Чуцай сказал Угэдэю: «Великий хан! Империя была завоевана верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно!». Хан согласно кивнул, и назначил Елюй Чуцай Чжун Шу-Лином, главой канцелярии, позволив ему проводить свою политическую линию.

После долгой и тяжелой осады верный соратник Чингисхана, великий полководец Субэдэй взял южную столицу чжурчженей, город Бяньцзин. Согласно Ясе, Закону Чингисхана, город, не сдавшийся до того, как были пущены в ход осадные орудия, должны были вырезать до последнего человека. Эта судьба ожидала и жителей Бяньцзина. Елюй Чуцай направился в юрту хана и сказал: «Великий хан! Полководцы и воины десятки лет мокнут на земле и пекутся на солнце, и лишь ради того, чтобы завоевать земли и людей. Но если получить земли без народа, то как их использовать? В захваченном тобой городе собрались все лучшие мастера Китая. Если их перебить, ты получишь драгоценности и прекрасные изделия, но только один раз. Если оставить их в живых, через год ты получишь столько же прекрасных вещей, не выпустив ни единой стрелы!»

Угэдэй согласился с канцлером, и сотни тысяч жителей Бяньцзина были спасены.

В 1235 году оказалось, что для продолжения войны людские ресурсы Монголии недостаточны. Среди монгольской знати возник проект использовать мусульманские войска в Китае, а китайские на западе, чтобы избежать восстаний. Тогда Елюй Чуцай сказал: «Китайские земли и Западный край отстоят друг от друга на десятки тысяч ли. Люди и кони изнурятся, пока дойдут до границ неприятеля, и будут негодны к бою. Более того, различен климат, и непременно возникнут повальные болезни. Лучше, если и те и другие войска будут находиться в своих странах. Это приведет к обоюдной выгоде!»

Хан принял и это предложение, хотя прекрасно понимал, что Елюй Чуцай защищает интересы покоренных народов, а не монгольского войска.

Помимо того, что Елюй Чуцай фактически управлял огромной империей, он постоянно разъезжал от города к городу, от деревни к деревне. И все свои средства, заработанные на службе у Великого Хана, раздавал простым людям. Талантливым детям из бедных семей он помогал получить образование. Так более четырех тысяч простых, но способных и образованных людей оказались у власти в Империи.

Все, что делал при жизни этот великий человек, было продиктовано искренним желанием спасти людей, помочь попавшим в беду – то, что в буддизме называют бодхичиттой. И в то же время Елюй Чуцай был спокойным и мудрым прагматиком, гениальным управленцем, который держал в своих руках бразды правления многомиллионной империей.

Таким образом, он воплотил в своей жизни один из главных принципов буддизма, о котором мы уже говорили выше: «Сострадание без мудрости слепо и немощно. Мудрость без сострадания жестока. И лишь объединив мудрость и сострадание, сможет идущий по Пути достичь блаженного берега Нирваны!»

СОВЕРШЕНСТВО МУДРОСТИ

В далекие времена жил на земле мудрый брахман. Еще в юные годы ступил он на Путь бодхисаттвы, совершая подвиги любви и сострадания. Многие годы наставлял он людей, и большинство его учеников пошли Путем спасения и достигли

совершенства; весь народ той земли был направлен на благой путь; и закрылись врата погибели, а Путь спасения стал широким, словно дорога для царских колесниц.

Однажды мудрый брахман отправился на прогулку в сопровождении Аджиты, своего любимого ученика, желая полюбоваться видом горных вершин и прекрасных водопадов.

Когда они проходили мимо одной из пещер, брахман услышал странные звуки, доносившиеся оттуда. Он заглянул в пещеру и увидел там изможденную тигрицу, которая едва дышала после трудных родов. От голода ее глаза валились, бока запали и видны были ребра. А рядом ползали пятеро маленьких слепых тигрят, подбираясь к материнским соскам. Но тигрица грозила им страшным ревом. И тут брахман с ужасом понял, что обезумевшая от голода тигрица смотрит на своих детенышей как на пищу!

Брахман задрожал от охватившей его жалости к тигрице и ее детям. Позвав Аджиту, он воскликнул: «О, милый Аджита! Сколь ужасна сансара, если от желания спасти себя мать готова разорвать на части собственных детей! Мы не должны допустить, чтобы погибла она и ее дети. Беги скорее в деревню и принеси мясо, чтобы накормить эту несчастную!»

Аджита стремительно помчался вниз по тропе, а брахман подумал: «Зачем искать пищу, когда тело мое способно спасти тигрицу и ее детей? В ближайшей деревне навряд ли найдет Аджита мясо, а если мы промедлим, случится непоправимое...»

И тогда брахман, отринув страх перед смертью, поднялся на высокую скалу над пещерой и бросился вниз, и разбился, упав на острые камни. Тигрица, почуяв запах крови, выползла из пещеры и стала пожирать тело Бодхисаттвы.

Когда Аджита вернулся, так и не найдя мяса, он с ужасом увидел, как тигрица обгладывает кости его учителя. И Аджита заплакал от великой скорби. А после увидел он, как кормит тигрица молоком своих слепых голодных детенышей. И тогда величие совершенного Учителем поступка вытеснило горечь утраты. И Аджита вернулся к другим ученикам и рассказал им об увиденном. И, отринув скорбь, они восславили Учителя, Бодхисаттву, а боги покрыли землю, на которой покоились его кости, прекрасными цветами...»

СКАЗАНИЕ О БАДАРЧИНЕ

В дымном мареве пустыни появлялись огромные голубоватые озера, отрывались от земли и таяли в раскаленном воздухе. Шел четвертый день нашего путешествия через Гоби. Колеса велосипедов вязли в песке, и мы понуро брели, толкая тяжело нагруженные машины. Запасы воды были на исходе. Свернув в сторону от железной дороги, связывающей Монголию и Китай, мы хотели срезать петлю магистрали, обходящей барханы Гоби с востока. В итоге оказались среди этих самых барханов, потеряли дорогу, и обреченно шагали, ориентируясь по солнцу и компасу.

- Если так дальше пойдет, мы до станции не доберемся, - просипел Денис, мой напарник.

- Бросим велосипеды и двинем пешком, налегке, - ответил я, - а то высохнем в этой пустыне. Если завтра колодец не найдем, так и сделаем...

Как только я договорил, из заднего колеса моего велосипеда раздалось знакомое шипение.

- Опять колючки! Ну откуда они здесь-то взялись? – в сердцах воскликнул я, бросил велосипед и устало опустился на горячий песок.

Денис упал рядом. Мы достали фляги и сделали по маленькому глотку теплой воды, долго держа ее во рту, смакуя слегка отдававшую металлом влагу. Потом развьючили моего железного коня и заменили порванную камеру. Все было готово, чтобы продолжить наш безнадежный путь. И в этот момент мне показалось, что кто-то внимательно наблюдает за нами. Я обернулся. На вершине бархана стоял могучий верблюд, на спине которого восседал старик-монгол. Заметив, что я на него посмотрел, он сделал жест рукой, приглашая следовать за ним, и исчез за барханом.

- Чего это он, а? – вопросительно глянул на меня Денис, - Откуда вообще здесь кочевники?

- Не важно, - ответил я, поднимая велосипед, - воду он точно пьет, так что пошли за ним!

Мы взобрались на бархан, и с радостью увидели стоящую вдалеке юрту. Старый монгол уже спешился и привязывал своего верблюда.

Через несколько минут мы уже сидели на деревянной кровати, и пили показавшийся нам божественным напитком монгольский чай – солоноватый, с маслом и молоком. Старик все это время молчал, и только подливал чай в быстро пустеющие пиалы. Чай скоро кончился, и я попросил, с трудом подбирая монгольские слова: «Усу! Усу болх уу?»

Старик встал и зачерпнул из большой алюминиевой фляги ковш воды. А мы все пили и пили, и не могли остановиться. Наконец, я выдохнул, и сказал, что больше не могу.

- Баярлаа! – благодарно улыбнулся я старику. Он не ответил, сел на низкий табурет, достал трубку и закурил. Я оглядывал юрту – небольшая, старая, на женской стороне пусто.

«Один старик живет, без жены, - подумал я, - и как с хозяйством справляется?»

Неожиданно взгляд мой упал на старенький аккордеон, стоящий в хойморе, на священной стороне юрты. Я показал на него пальцем и спросил: «Болх уу? Дуу болх уу?»

Старик кивнул. Я осторожно взял инструмент, подтянул лямки, тронул клавиши. Аккордеон сипел, из дырявых мехов вылетала пыль, некоторые кнопки западали. Но играть было можно. Я заиграл что-то из классики, поглядывая на монгола. Тот равнодушно курил, не глядя на нас. И вдруг, словно кто-то подсказал мне, что нужно делать, я заиграл «Катюшу». Старик встрепнулся, посмотрел на меня очень внимательно, и что-то сказал по-монгольски.

- Я... Я не понимаю... - смутился я, и перестал играть. И тут старик закивал, показывая рукой на аккордеон и на меня. Я заиграл, потом запел. Старый монгол слушал внимательно, и только в конце песни я заметил, что руки у него дрожат.

- Орос? Русский? – спросил он.

- Да, из России! Орос, Орос! Москва! – радостно закивал я.

Монгол встал, и двумя руками показал сначала на нас, потом на пол юрты, и вышел наружу. Вскоре до нас донеслось характерное шарканье ног уходящего верблюда.

- Вы о чем тут руками машете? – шепотом спросил Денис. – И что с дедом-то случилось?

- Не знаю. Я понял так, что он попросил нас здесь его подождать.

- Подождем. Хоть не так жарко, как снаружи.

Прошло какое-то время. Мы выпили еще по ковшику воды, и наслаждались домашним уютом. По сравнению с занесенной песком палаткой юрта казалась настоящим домом. Неожиданно дверь распахнулась, вошел хозяин, но не один. С ним приехала пожилая монголка с изборозженным морщинами лицом. Они сели передо мной, и старик показал рукой на аккордеон. Я снова сыграл «Катюшу», потом спел другие военные песни советских лет. Старики слушали молча, и вдруг я увидел, что по морщинистому лицу монгола катятся слезы.

- Война... Халх-Гол война, япон напал. Друг был. Русский друг, – с трудом подбирая слова, сказала бабушка. – Песни пел. Его гармонь был... Погиб он. Гармонь остался. Память...

Старик снова кивнул, показывая на аккордеон, и я заиграл. Но пел с трудом – в горле стояли слезы. Даже мой товарищ, циник и хохотун, притих и внимательно слушал, глядя в пол.

Когда запас военных песен, которые я знал на память, иссяк, старик снова набил трубку, закурил и сказал, внимательно посмотрев на меня:

- Чи бадарчин байн! Сайхан бадарчин!

- Это – имя. Твой имя – Бадарчин! – улыбнулась бабушка.

Старики не отпустили нас, уговорили остаться на ночь. Утром мы подкрепились крепким бараньим бульоном, вдоволь напились чая. Старый монгол наполнил наши фляги и канистры водой, и вызвался проводить до какого-то непонятного места, которое он называл «сайхан дзам». Мы подтянули ремни рюкзаков, попрощались с бабушкой, и пошли за верблюдом нашего проводника. А бабушка стояла с пиалой молока, кропила им на следы наших велосипедов, и что-то тихо повторяла, словно шепча молитву-напутствие.

Спустя несколько часов старик вывел нас на потерянную двумя днями раньше дорогу. Он улыбнулся уголками губ, и сказал, показывая на грунтовку: «Сайхан дзам!»

На прощание старик крепко пожал нам руки, потом молча отвернулся, сел на верблюда и вскоре исчез за пологим склоном бархана. Еще через двое суток мы добрались до железнодорожной станции, пополнили запасы воды и вновь углубились в Гоби, медленно приближаясь к китайской границе...

Спустя год я снова оказался в Монголии. Гуляя по Улан-Батору, я забрел на окраину города, где внимание мое привлек интересный буддийский храм. Как я понял из его названия, «Манба-Дацан» был центром тибетской медицины и одновременно медицинским университетом.

Зайдя внутрь, я подошел к старому ламе, который взвешивал какой-то порошок и аккуратно пересыпал его в бумажные пакетики. Я попытался с ним заговорить, подбирая известные монгольские слова. В ответ старик только улыбнулся и показал рукой на высокого молодого ламу, который давал какие-то советы пожилой женщине с ребенком. Когда лама освободился, я подошел и поздоровался:

- Сайн байна уу! Здравствуйте!

Лама внимательно посмотрел на меня, и ответил на чистом русском языке:

- Здравствуйте! Из России приехали?

- Да, из Москвы, - кивнул я, не успев даже удивиться, - Очень интересный дацан!

- Вы интересуетесь традиционной медициной? – снова спросил лама.

- Не совсем, - признался я, - Мне вообще интересен буддизм. А вот моя жена учится на врача!

Лама улыбнулся:

- Я вижу, Вам действительно важно что-то узнать. Пойдемте!

Мы прошли через центральный зал храма, и лама пригласил меня сесть за один из низких столиков. Сам он сел напротив.

- Спрашивайте. Пока ко мне не пришли больные, мы можем поговорить.

Я смутился, так как забрел в этот храм случайно, и каких-то особых вопросов у меня не было. И я спросил первое, что пришло на ум:

- Расскажите, пожалуйста, о монгольской медицине. И еще о вашем дацане.

- Лечить людей, помогая избавиться от страданий – одно из важных дел, которыми занимаются буддийские монахи, - начал лама свой рассказ. – Мы верим, что многие болезни вызваны кармическими причинами, и чтобы излечиться, человек должен попытаться изменить свою жизнь. Я вспоминаю одну женщину, которая приходила ко мне в надежде избавиться от тяжелой болезни. Но никакие средства не помогали. Тогда я спросил ее, чем она занимается. Оказалось, что она торгует спиртными напитками. Вы знаете, что употребление алкоголя в буддизме считается грехом, так как разрушает сознание человека. А продажа алкоголя – еще больший грех. Я рассказал об этом женщине, она стала торговать другими продуктами, и болезнь прошла сама собой.

Но какой бы причиной ни была вызвана болезнь, задача врача - облегчить страдания больного. Монгольская традиционная медицина очень древняя, она знает более ста препаратов, изготовленных из растений, органов животных и минералов, и множество методов лечения. А также многие эмчи-ламы, врачи нашего дацана, владеют тибетской и китайской медициной.

Наш дацан унаследовал славные традиции! «Манба дацан» был ведущей школой традиционных монгольских врачей вплоть до 1937 года, когда начались репрессии. Тогда многих врачей посадили или расстреляли только за то, что они были ламами. Возрождение монгольской медицины началось в начале 90-х.

Вам может показаться странным, но самое мощное развитие монгольская медицина получила во времена Чингисхана. Он освободил от налогов врачей и студентов медицинских университетов, как буддийских, так и китайских, и арабских. Назначил человека, который отвечал за медицинские учреждения и кадры по всей огромной империи, своего рода министра здравоохранения. Наследники Чингисхана продолжили его дело. Развивалась система медицинской помощи, строились больницы, была установлена Служба матерей и детей монгольских ханов. Был создан университет, занимающийся слиянием монгольской, тибетской, китайской и арабской

медицинских школ. Помимо этого, великие ханы покровительствовали аптекам и лечебницам, на государственном уровне была организована поддержка инвалидов и стариков. И все это происходило в XIII веке!

В последующие века центрами медицины стали буддийские монастыри. При каждом дацане были ламы-врачи, которые лечили людей, объясняли человеку кармические причины его болезней. Лечили ламы и животных: как из сострадания, так и потому, что скот был и остается основой жизни каждого кочевника-монгола.

- Простите, но ведь кочевники живут очень изолированно, далеко друг от друга, и нередко вдали от монастырей. Как же они попадали на прием к врачу?

- Вы правы, дацаны обслуживали только население, которое кочевало недалеко. Но были еще странствующие монахи – бадарчины...

- Как Вы сказали? – переспросил я, - Бадарчины? В прошлом году меня так назвал один старик в Гоби. Но я, признаться, вовсе не врач!

Лама засмеялся:

- Может быть, Вы рассказали ему какую-нибудь историю? Или спели песню, играли с его внуками?

- Да, я спел. И сыграл на аккордеоне, который нашел в его юрте... - и я рассказал ламе историю встречи со старым монголом.

Когда я окончил рассказ, лама кивнул и сказал:

- Да, грустная и в то же время очень светлая история. Теперь понятно, почему старик назвал Вас бадарчином. Наверное, он еще помнит время, когда они бродили по монгольским степям – певцы и сказочники, учителя и врачи...

Почти все бадарчины были бедными ламами, по разным причинам покинувшими монастыри. Имея буддийское образование, многие из них были врачами и учителями. Монголы были очень гостеприимны к бадарчинам, монахам-скитальцам, и они повсюду находили себе кров и пищу. Даже самый бедный пастух-арат с радостью делился с ними всем, что имел. Ведь бадарчины шли из дальних мест, много интересного видели и слышали, многое могли рассказать. Недаром одна из

монгольских пословиц гласит: «Странствующий глупец лучше мудреца, живущего на одном месте!»

Вы обращали внимание на то, как быстро информация распространяется по степи без помощи раций и телефонов?

- Конечно! Я ехал на велосипеде достаточно быстро, но молва о «русском путешественнике» все-таки опережала меня!

- Да, именно так. А в те годы бадарчины вообще были единственными источниками информации для кочевников. Если вдалеке появлялась одинокая фигурка странника, дети, играющие возле юрты, радостно кричали и звали родителей. Странствующие монахи обычно ходили в простом халате-дэли, в их заплечных мешках всегда лежали буддийские книги, свернутые иконы-тханки, лекарства и медицинские инструменты. Опирался монах на две палки. Знаете зачем?

- Ну, чтобы удобнее было ходить, препятствия перепрыгивать? – предположил я.

- Не только. С помощью этих палок монах отбивался от сторожевых псов, если хозяева не успевали их привязать. Собака хватала зубами одну палку, и в этот момент бадарчин шелкал ее по носу другой!

Приход бадарчина в стойбище всегда был большим и радостным событием. Днем, пока взрослые работали, монах занимался с детьми, учил их тому, что знал сам – чтению и письму, основам буддизма, песням и сказкам, игре на музыкальных инструментах, астрологии, медицине. А вечером все собирались в самой большой юрте, и бадарчин начинал свои удивительные рассказы. Он говорил о дальних странах, где ему довелось побывать, об удивительных людях, их обычаях. Бадарчины знали множество сказок и песен, и нередко аккомпанировали себе на каком-нибудь инструменте. Бадарчины были очень наблюдательны, и слова их всегда были к месту. Если в стойбище готовилась свадьба – он пел сказания о великой любви, если по соседству жил жадный хан – бадарчин в своих рассказах высмеивал жадность, если в семье недавно родился ребенок – пел трогательные песни о материнской любви.

Если бадарчин был еще и врачом, то он лечил заболевших людей и животных, учил искусству сбора целебных трав, составлению снадобий. А также любой бадарчин выполнял и обычные функции ламы – отпевал усопших, читал молитвы, проводил все

необходимые обряды. Бадарчин нередко жил в стойбище много дней, а то и несколько недель – но потом непременно уходил дальше, ведь где-то его тоже ждали люди, нуждающиеся в помощи. Стойбище начинало жить прежней жизнью, а на смену ушедшему бадарчину вскоре приходил другой, с новыми знаниями, историями, песнями...

- Скажите, а сейчас есть странствующие монахи? – спросил я.

- Конечно! Правда, они уже не ходят по степи с двумя палками, чтобы отбиваться от собак, - тут лама засмеялся, - но главную свою функцию выполняют по-прежнему. Например, Далай-лама постоянно путешествует с проповедью о мире, ненасилии, дает посвящения, являясь примером для миллионов людей. Многие другие великие ламы ездят по разным странам, несут свет Учения, помогают людям. Их имена сейчас известны во всем мире.

Но мне кажется, что бадарчинов гораздо больше. Любой человек, идущий по свету с подлинной любовью и состраданием в сердце, несущий знание, дарующий бесстрашие, щедрый и великодушный – это и есть настоящий бадарчин...

В этот момент к ламе подошел молодой послушник, и что-то быстро сказал ему по-монгольски. Лама поднялся и улыбнулся мне, протягивая руку:

- Извините, ко мне пришли. Я был рад поговорить с Вами!

Я пожал его крепкую сухую ладонь, и лама в сопровождении послушника пошел к группе ожидавших его людей.

Я вздохнул, посидел еще немного, вспоминая удивительные истории, рассказанные ламой, и вышел из храма.

В лицо ударил горячий ветер, потоком обрушился шум машин, в который вливались гудки, обрывки песен из ближайшего ресторана, голоса и смех людей. Улан-Батор жил своей обычной, суетливой жизнью.

А я стоял на пороге дацана, и видел лишь бескрайнюю степь под вечно синим небом, и шагающую вдалеке одинокую фигурку бадарчина...

ЗА ПОРОГОМ БУДДИЙСКОГО ХРАМА

В последние годы Учение Будды стремительно вырывается за резные ворота храмов и монастырей. Словно вспомнив подробности жизни основателя Учения, Благословенного Будды Шакьямуни, многие монахи покидают уединенные обители, идут к людям, начинают активно заниматься общественной и благотворительной деятельностью, и даже участвуют в политической жизни своих стран. Возрастает и активность мирян. Помимо традиционного поддержания монашеских общин, пожертвований на строительство храмов и монастырей, миряне создают буддийские общественные и благотворительные организации, центры медитации, школы изучения Дхармы.

Одновременно с этим Учение Будды выходит и за пределы традиционно буддийских стран. Если еще сто лет назад буддизм для европейцев был экзотическим и малоизвестным учением, религией жителей далеких азиатских стран, странным увлечением великосветского общества, то сейчас буддийские храмы и центры есть почти во всех странах мира, причем особенно активно Учение Будды продвигается на Запад.

Все это привело к тому, что в наши дни Сангха – буддийская община, объединяющая буддистов всей планеты, стала престижным общественным институтом, под эгидой которого функционируют тысячи монастырей, храмов, центров медитации. Сангха создает и поддерживает научно-исследовательские, медицинские, культурные, просветительские и благотворительные организации. И хотя в Сангху входят самые разные школы и направления буддизма, это не мешает им сотрудничать на великом Пути бодхисаттвы – Пути любви и сострадания ко всем живым существам.